

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

Н. С. Яхонтова

ВЛИЯНИЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА
НА СИНТАКСИС ОЙРАТСКИХ ПЕРЕВОДОВ

Создателем ойратского литературного языка является выдающийся буддийский деятель Зая-пандита (1599—1662), который первым начал переводить тибетскую буддийскую и светскую литературу не на письменный монгольский, а на свой родной ойратский язык, для чего им был создан специальный алфавит *тодо бичиг* — «ясное письмо». Сейчас известно более 60 его переводов [Лувсанбалдан, 1975, с. 125].

На примере одного из них — крупного буддийского сочинения «Сутра золотого блеска»¹ — можно проследить особенности перевода Зая-пандиты.

Еще до появления ойратского перевода был сделан монгольский перевод «Сутры» [Damdinsüren, 1979, с. 39], причем ойратский представляет собой результат совершенно самостоятельной переводческой работы. Эти переводы были сделаны с различных оригиналов: ойратский — с тибетского, который, в свою очередь, является переводом с санскрита, а монгольский, по-видимому, с санскритского или уйгурского. Кроме того, переводчики преследовали разные цели. Зая-пандита стремился с максимально возможной точностью отразить тибетский текст «Сутры», тогда как монгольский переводчик скорее ставил своей задачей придать переводу художественную форму. Иначе говоря, основным отличием ойратского перевода является сильное влияние тибетского языка, которое отсутствует в такой степени в монгольском.

Тибетское влияние затронуло самые разные аспекты языка — морфологию, лексику, синтаксис, но отразилось на них в неодинаковой степени.

В области морфологии оно выразилось в основном в том, что Зая-пандита отдавал предпочтение какой-то одной форме из нескольких близких по значению. Так, из нескольких существующих в монгольских языках показателей множественного числа он употреблял почти исключительно аффикс *-ногюуд*.

В области лексики тибетское влияние главным образом от-

¹ Исследование проводилось на основе рукописи, фотокопию которой любезно предоставил профессор Д. Кара (Венгрия).

разлилось на переводе имен собственных, терминов, эпитетов и т. п. В отличие от монгольского перевода, где предпочтение отдавалось фонетическому воспроизведению санскритских слов, в ойратском в большинстве случаев имена и термины переведены дословно так, как это было сделано в тибетском переводе.

Зая-пандита вводит в своем переводе слова, имеющиеся в тибетском тексте, но излишние в ойратском. Так, он часто употребляет в конце предложения после значимого глагола слово *üyiledkü* 'делать', которым переводится тибетский служебный глагол, в ойратском совершенно излишний. В то же время он не добавляет ни слов, ни грамматических форм для большей ясности перевода. Например, тибетская фраза *stong-gsum shing-ljon thams-cad*, букв. 'все деревья трех тысяч' (Ст, л. 146), переведена на ойратский дословно *γurban mingγani xamuy zemistei modun* (Со, л. 156) (словами *zemistei modun* переведено тибетское *shing-ljon* 'растущее, зеленое дерево'). Монгольский перевод дополнен пояснением: *lurban mingγan yirtinčü daki xamuy mod* 'все деревья в трех тысячах миров' (См, л. 47а).

Во всех этих случаях строгое следование тибетскому тексту хотя и делает перевод несколько тяжеловесным и однообразным, но не препятствует его пониманию.

Более серьезное значение имеет тибетское влияние на синтаксис Зая-пандиты. Здесь переводчик ради сохранения свойственного тибетскому языку порядка слов допускал прямое нарушение монгольских грамматических норм.

Строй тибетского предложения в некоторых отношениях схож с монгольским. В обоих языках сказуемое ставится в конце предложения; остальные члены предложения располагаются перед сказуемым в более или менее свободном порядке. Связи между словами в предложении осуществляются с помощью частиц (в тибетском) и падежных суффиксов (в монгольском). Служебные морфемы в обоих языках постпозитивны.

Однако правила, определяющие расположение определений к существительному, в тибетском и в монгольских языках не совпадают. В монгольских языках все зависимые слова всегда помещаются перед словом, от которого они зависят; и в частности, определение всегда стоит в препозиции к определяемому; в тибетском же единственным препозиционным определением является существительное с частицей родительного падежа, а все остальные определения ставятся после определяемого.

Теперь посмотрим, как располагаются определения при существительном в ойратском переводе «Сутры». Всегда в препозиции к определяемому стоит определение, выраженное существительным в неопределенном или родительном падеже: *subud ebcöybči* 'жемчужный нагрудник' (Со, л. 54а), *casuni önggö* 'цвет снега' (Со, л. 65а). Все остальные возможные определения в ойратском переводе в отличие от монгольского стоят как до, так и после определяемого. Если при существительном

имеется несколько определений, они в большинстве случаев как бы распределяются поровну — одни (обычно не больше двух) ставятся перед существительным, другие — после него: *tenggeriyin nidün maši arilun kümün-ēce nōqčiqsōn-yēr zambudib xamugi üzen üyiledümüi* 'божественными глазами, очень чистыми, людей превосходящими, всю Джамбудвипу будем осматривать' (Со, л. 166). Среди определений, не имеющих фиксированного места по отношению к определяемому, чаще находятся в препозиции существительные в совместном падеже и прилагательные: *ebečitei olon amitan* 'многие большие живые существа' (Со, л. 41а). Постпозитивно чаще остальных употребляются указательные местоимения, которые обычно стоят в препозиции только при отсутствии других определений: *tenggeriyin beye edeni (coq zali)* '(блеск) этих тел тенгриев' (Со, л. 26а), *tere caqtu* 'в то время' (Со, л. 596). Постпозитивное положение некоторых определений может сделать предложение двусмысленным или заметно затруднить его понимание, например: *ilaquqsan tede bügüde-dü süzülün mürgümüi* 'тем всем Победившим поклоняясь' (Со, л. 96); *xān ... xarši ilangγuya γaruqsan-du odun üyiledkü* 'хан пойдет в особо выдающийся дворец' (Со, л. 21а). В первом примере *ilaquqsan* скорее будет воспринято как подлежащее, а слова *tede bügüde*, которые являются на самом деле определениями, выглядят как нечто самостоятельное от него. Во втором примере причастие, оказавшись после определяемого и имея показатель падежа, может быть понято как эквивалент сказуемого придаточного предложения с показателем причинных отношений («из-за того, что появился»).

Как было указано выше, все грамматические показатели в монгольских языках употребляются после слова, к которому относятся. В ойратском переводе в тех случаях, когда определения ставятся в постпозиции к определяемому, эти грамматические морфемы отделяются от существительного и присоединяются к последнему из стоящих справа от него определений, т. е. к последнему слову группы существительного (именно так употребляются служебные частицы в тибетском языке): *üyile buyan-nočoudi edlekü boltuγai* 'пусть совершает добродетельные дела' (Со, л. 76); ср. в тибетском: *bya-ba dge-ba rnam ni spyod gyur cig* (Ст, л. 7а); *bayasun gesküi aγui yeke-bēr tügemel bolboi* 'радостью и весельем великими наполнились' (Со, л. 66). Выбор формы аффикса (по закону сингармонизма) зависит от слова, к которому непосредственно присоединяется аффикс, т. е. формально аффикс остается частью слова, хотя и не того, к которому он грамматически относится: *ilaquqsan teden-dü* 'тем Победившим' (Со, л. 13а).

Примечательно, что только в этом одном случае — в расположении определений — Зая-пандита допускает отход от монгольских грамматических норм в пользу тибетских. Однако было бы преувеличением сказать, что Зая-пандита совершал здесь явное насилие над природой своего родного языка. Некоторые

основания для того, что он делал, есть в самом строе монгольских языков. В них существует некоторая предрасположенность к свободному отделению аффикса от слова. Это «вынесение за скобки», состоящее в том, что существительные — однородные члены предложения (иногда соединенные сочинительными союзами) могут иметь общее оформление. Показатель грамматической категории в таком случае ставится при последнем члене: *beye kelen kigēd sedkiliyin kilince* 'грех тела, языка и души' (Со, л. 86). Еще одним фактором, означающим возможность свободного отделения аффиксов существительного от слов, к которым они относятся, являются случаи субстантивации определений — числительных, прилагательных и причастий. Эти слова в функции определения не склоняются; только когда определяемое (существительное) опускается, они принимают на себя относящиеся к нему по смыслу показатели числа или падежа: *tere xoγori kōbōi* 'тех двоих прогнал' (Со, л. 586]; *mekelen üyiledüqči-yi zasaq-yēr ese zasaqlaxutā...* 'если делающих хитрости наказанием не наказывать...' (Со, л. 416); *alaqsan-noγoud si amin-luḡā tögüskü boltuḡai* 'убитые же пусть жизни преисполнятся' (Со, л. 11а). Аналогично обстоит дело и с двойным склонением у существительных: *padman metü sumān nidütei-gi či xamiḡā orkibou* 'где ты оставил (того) с длинными глазами, подобными лотосу?' (Со, л. 59а). Форма совместного падежа *nidütei* 'с глазами' обычно употребляется как определение к существительному; но здесь определяемое (название того, кто имел глаза, подобные лотосу) опущено, и поэтому показатель винительного падежа стоит при слове, уже оформленном совместным падежом.

Нарушения порядка слов, зависящих от существительного, свойственны и некоторым переводам с тибетского на письменный монгольский [Цыбиков, 1981, с. 39].

Описанное выше постпозитивное расположение определений существенно влияет на типологическую характеристику ойратского языка. Словоизменяемые морфемы монгольских языков считаются агглютинативными аффиксами, которые не могут быть отделены от корня, т. е. между ними и корнем слова невозможна вставка других значимых слов (критерий вставки является одним из признаков, позволяющих отличить аффикс от служебного слова или частицы [Касевич, 1979, с. 58]). Однако материал ойратского языка показывает, что, когда мы утверждаем, что в монгольских языках между аффиксом числа или падежа и основой существительного не могут быть вставлены другие слова, имеется в виду не принципиальная неотделимость аффиксов, а невозможность изменения порядка слов в группе существительного. Когда появляются слова, которые могут быть поставлены после существительного, выясняется, что они должны стоять между ним и его аффиксами.

Таким образом, аффиксы числа и падежа ойратского языка являются потенциально отделимыми; поэтому их следовало бы

скорее считать не аффиксами, а частицами, так же как соответствующие им служебные морфемы тибетского языка, но тогда вся морфология имени оказывается аналитической; агглютинация остается только в области глагола.

Условные сокращения источников

- См — сутра монгольская. *Qutuγtu degedü altan gerel-tü erketü sudur-nuγud-un qaγan neretü yeke küngen sudur.* — «Ганджур», раздел «Тантра», т. 25—26, л. 43—62 (рукопись библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета).
- Со — сутра ойратская. *Xutuγtu dödü altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān.* Фотокопия рукописи из коллекции профессора Д. Кары.
- Ст — сутра тибетская. *Phags-pa gser-'od dam-pa mdo-sde'i dbang-po'i rgyal-po shes bya-ba theg-pa chen-po.* — «Ганджур», раздел *rgyud*, т. *pha*, л. 1—63 (ксилограф, издание Дэргэ).

- Касевич, 1979. — Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. Л., 1979.
- Лувсанбалдан, 1975. — Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалүүд. Улаанбаатар, 1975.
- Цыбиков, 1981. — Цыбиков Г. Ц. О монгольском переводе «Лам-рим-чэн-по». — Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1981.
- Damdinsüren, 1979. — *Damdinsüren Ts.* Two mongolian colophons to the *Suvarṇaprabhāsottama-sūtra.* — АОН. 1979, t. 33, fasc. 1.